

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-582-598>

Переводная статья / Translated Article

Концептуальные рамки социальной онтологии*

Б. Эпштейн✉

Университет Тафтса,
США, MA02155, Мэдфорд, Минер Холл, 14
✉brian.epstein@tufts.edu

*Перевод с английского А.М. Орехова^{ID} и С.В. Моисеева,
при участии А.З. Черняка и А.В. Антонова^{ID}*

Аннотация. Предлагается рассмотреть вопросы конструирования структурного поля социальной онтологии, и соответственно с этим, в исследовании социального мира. Социальная онтология также получает новые векторы влияния и в традиционных философских дискуссиях. Предмет и предметное поле социальной онтологии постепенно проясняются и уточняются; особенно в отношении различия между причинными отношениями и в целом экспландумом социальных феноменов. Для всякого социального факта мы можем сформулировать два различных вопроса: что вызвало этот факт и почему этот факт таков, как он есть. Определяются и объясняются два вида исследования: во-первых, исследование посредством «обоснования» социальных фактов, и, во-вторых, то, как социальные категории «фиксируют» данный факт. Различие между этими двумя типами исследований традиционно используется для прояснения значений различных программ в социальной теории, особенно теории «практики» и теории «онтологического индивидуализма». «Фиксация» и «основание» дают нам два фундаментальных вектора в конструировании социального мира. Соответственно, социальная онтология включает в себя два различных проекта — «проект основания» и «проект фиксации».

Ключевые слова: онтология, социальная онтология, социальная метафизика, Б. Эпштейн, «фиксация», «основание»

История статьи:

Статья поступила 22.10.2021

Статья принята к публикации 22.04.2022

Оригинальный текст: Epstein B. A Framework of Social Ontology // Philosophy of Social Sciences, Vol. 46 (2), 2016, P. 147—167. Публикуется с сокращениями / пер. с англ. А. М. Орехова и С. В. Моисеева при участии А. З. Черняка и А. В. Антонова.

© Орехов А.М., 2016

© Орехов А.М., Моисеев С.В., Черняк А.З., Антонова А.В., пер. на русский, 2022.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Эпштейн Б. Структурное поле социальной онтологии / пер. с англ. А. М. Орехова и С. В. Моисеева, при участии А. З. Черняка и А. В. Антонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 3. С. 582—598. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-582-598>

A Framework of Social Ontology*

B. Epstein✉

Tufts University,
Miner Hall, 14, 6, Medford, MA02155, USA
✉brian.epstein@tufts.edu

*Translated from English by A.M. Orekhov^{ID} and S.V. Moiseev,
with the assistance of A.Z. Chernyak and A.V. Antonov^{ID}*

Abstract. The research sets out an organizing framework for the field of social ontology, the study of the nature of the social world. Social ontology is also gaining prominence in traditional philosophical discussions. The subject matter of social ontology is clarified, in particular the difference between it and the study of causal relations and the explanation of social phenomena. For any social fact, there are two distinct ontological questions: what is the ground for that fact, why is that fact grounded just the way. Two different inquires are defined and explained: the study of how social categories are “anchored” or “grounded”. The distinction between these inquires is used to clarify prominent programs in social theory, particularly theories of practice and varieties of ontological individualism. Anchoring and grounding are two fundamental aspect to the building of the social world, Correspondingly, social ontology consists of two distinct project — “project of grounding” and “project of anchoring”.

Key words: ontology, social ontology, social metaphysics, B.Epstein, fixing, grounding

Article history:

The article was submitted on 22.10.2021

The article was accepted on 22.04.2022

For citation: Epstein B. A Framework of Social Ontology [Orekhov AM, Moiseev SV, Chernyak AZ, Antonov AV, translators.]. *RUDN Journal of Philosophy*. 2022;26(3):582—598. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-582-598>

Последние несколько лет в социальных науках усилился интерес к социальной онтологии, находящейся на стыке метафизики и философии социальных наук и изучающей природу социального мира. Коллективные интенции и установки, к примеру, сейчас повсеместно понимаются как отличные от намерений и позиций индивидов, не являясь при этом чем-то призрачным и мистическим. Социальная онтология также получает признание и в более

* Original text: Epstein B. A Framework of Social Ontology. *Philosophy of Social Sciences*. 2016;46(2):147—167. [Published in an abridged translation from English, translated by Orekhov A.M., Moiseev S.V., with participation of Chernyak A.Z. and Antonov A.V.].

традиционных разделах философии. В метафизике теоретики понимают, что им нужны примеры, отличные от традиционных. Они расширяют свои модели, включая в них не только столы, чашки кофе и тела людей, но и артефакты, группы и институты. Тем временем политические императивы побуждают других философов серьезнее взглянуть на метафизику социальных категорий, таких как раса и гендер. Социальной онтологии также пошло на пользу стирание границ между философскими стилями, так как выросло новое поколение философов, для которых дисциплинарные границы и верность программам значимы меньше, чем ранее.

Моя цель в этой статье состоит в том, чтобы предложить некоторую структуру для социальной онтологии и использовать ее для того, чтобы обрисовать, как мы можем понять и расположить различные подходы. Я начинаю с рассмотрения тем и проблем социальной онтологии, а затем обращаюсь к различию между онтологическими вопросами о социальном мире и вопросами о причинно-следственных связях и механизмах. Этот путь может быть довольно тернистым, поскольку некоторые социальные сущности «построены» из причинно связанных между собой событий. Тем не менее, это различие может быть сделано, и крайне важно его реализовать.

Основная часть статьи посвящена фундаментальному различию, которое разделяет различные проекты в социальной онтологии: различию между *основанием* (*grounding*) и *фиксацией* (*anchoring*). По поводу любого социального факта можно задать два различных онтологических вопроса: *каковы* основания для этого факта? и отдельно, *почему* этот факт основан именно таким путем? Иными словами, что фиксирует условия оснований для этого факта? Я объясняю это различие и описываю проекты в социальной онтологии, соответствующие каждому вопросу. Затем обсуждаю, как теории и подходы к социальной онтологии могут быть рассмотрены в рамках этих проектов. Теории, которые игнорируют различия между основанием и фиксацией, могут быть подвергнуты критике или усовершенствованы.

1. Что изучает социальная онтология?

Целью и проблемой социальной онтологии является понимание природы социального мира. Рассмотрим, например, интенции или установки групп. Предположим, что «Бостон Ред Сокс»¹ имеет намерение выиграть Мировую серию. Один вопрос заключается в том, существуют ли вообще такие групповые интенции, но помимо этого мы хотим знать, *что нужно для того, чтобы такая интенция была*. Ответ будет включать три части:

- (1) *Социальный факт, сущность или явление, о которых идет речь: «Бостон Ред Сокс» имеет намерение выиграть Мировую серию.*

¹ «Бостон Рэд Сокс» – бейсбольная команда в США. «Мировая серия» – решающая серия игр в главной лиге бейсбола.

- (2) *Составные элементы: представления и намерения членов команды, социальные духи (social spirits), словом, любые составные элементы (1), какими бы они ни были.*
- (3) *Онтологическая строительная связь между (1) и (2): состав, строение, зависимость, детерминация, отношение не-редуктивного следования (supervenience), реализация или какая-либо онтологическая связь между составными элементами и групповой интенцией.*

Как факты существуют как социальные единицы? Трудно дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. Под какую категорию одновременно можно подвести столы, стулья и машины? Или, к примеру, генетически модифицированные организмы? Или виды животных? Как, к примеру, установить различие между «социальными фактами» и «не-социальными фактами», — тем более что некоторые ученые уверены, что всякий проект социальной онтологии должен суметь «отобразить» все социальное в натуралистических или индивидуалистических терминах. Однако здесь могут быть проекты, которые проясняют лишь одно: *как социальный мир складывается из социальных элементов*. Но в любом случае проект социальной онтологии нуждается в том, чтобы он имел «расширительный», «открытый» характер. Некоторые теории социальной онтологии сильно ограничивают сами себя, используя лишь несколько примеров: язык, закон, собственность, деньги или даже «правила вождения автомобилем» и оставляя «темными» все другие стороны социального мира. Мое же намерение здесь более универсальное: очертить область социальной онтологии целиком, интерпретируя социальные факты в самом широком смысле.

2. Онтологическое объяснение versus каузального объяснения

Важнейший исходный пункт социальной онтологии — разграничение ее и другого рода типа исследований, изучающих причины и взаимодействия между социальными явлениями. Одно дело исследовать, как *причинно* работает социальный мир — какие последовательности событий приводят друг к другу или какие механизмы при этом действуют. Другое дело — исследовать, что *есть* социальный мир, — каковы его составные элементы или из чего он состоит. Хотя в настоящее время это различие является достаточно распространенным, в прошлом оно создавало немало проблем. В частности, в длительных дебатах 1950-х годов между сторонниками индивидуализма и холизма существовала тесная связь между отказом от холизма (онтологический момент) и отстаиванием индивидуалистической методологии в отношении социального объяснения². В последующие годы стало ясно, что эти точки зрения могут быть и разъединены. Можно отвергнуть холизм в отношении

² Например: [1].

социального мира, не одобряя индивидуализм в плане социальных объяснений³. Стало стандартным различие онтологического индивидуализма (как тезиса о социальной онтологии) и объяснительного индивидуализма (как тезиса о социальном объяснении)⁴.

Хотя это ныне стандартное различие в целом верно, оно все же не совсем точно. Во-первых, есть проблема с противопоставлением объяснительных и онтологических утверждений: онтология тоже предполагает объяснение. Безусловно, научные объяснения содержат намного больше, чем объяснения онтологии. Типичные научные объяснения включают причины, механизмы и многое другое. Однако могут быть сделаны чисто онтологические объяснения, и это тоже часть практики социальной науки. Во-вторых, могут появиться препятствия как для онтологического объяснения, так и для причинно-следственных объяснений. Противник индивидуализма в методологии, например, может возражать против одного или обоих видов объяснений: онтологического объяснения социальных фактов в категориях индивидов и причинно-следственного объяснения социальных фактов в категориях индивидуалистических механизмов. Другими словами, нам нужно выделить четыре вида вопросов, перечисленных в табл. 1.

Категория (а) состоит из чисто онтологических вопросов о том, как строится социальный мир. Мы могли бы спросить, например, о том, исчерпывающе ли определяются социальные факты фактами об отдельных людях, или являются ли социальные факты эмерджентными и так далее.

Таблица 1

**Четыре вопроса: определение против объяснения,
онтологическое против причинно-следственного**

	Онтология	Причины
Детерминация и зависимость	(а) Каковы онтологические отношения между социальными фактами и другими фактами, которые их составляют? (например, полностью ли детерминированы социальные факты индивидуалистическими фактами?)	(с) Каковы причинно-следственные отношения между социальными и другими фактами? (например, вызываются ли социальные факты индивидуалистическими механизмами)
Объяснения и методология	(b) Можем ли мы (и должны ли) <i>объяснять</i> онтологическую детерминацию социальных фактов в категориях других фактов? (например, в категориях индивидуалистических фактов)	(d) Можем ли (и должны ли) мы <i>объяснять</i> причинно-следственные механизмы, связанные с социальными фактами в категориях других фактов? (например, в категориях индивидуалистических механизмов)

³ Ключевые источники здесь: [2–4]. Можно считать, что Агасси [5; 6] в этом вопросе придерживается аналогичной точки зрения, хотя проводимые им разграничения не очень ясны. Также для прояснения различий их позиций см. [7] и Эпштейн [8. Р. 18–32].

⁴ См. Люкс (Lukes) [9], Бхаргава (Bhargava) [10]. Хотя в следующих параграфах я выражаю неудовлетворенность этим разграничением, я сам использую его в [8; 11], а также в других местах.

Table 1

Four inquiries: determination vs. explanation, ontological vs. causal

	Ontology	Causes
Determination and dependence	(a) What are the ontological relations between social facts and other facts that build them? (e.g., are social facts exhaustively determined by individualistic facts?)	(c) What are the causal relations between social and other facts? (e.g., are social facts caused by individualistic mechanisms?)
Explanations and methodology	(b) Can (and should) we <i>explain</i> the ontological determination of social facts in terms of other facts? (e.g., in terms of individualistic facts)	(d) Can (and should) we <i>explain</i> the causal mechanisms involving social facts in terms of other facts? (e.g., in terms of individualistic mechanisms)

В категорию (b) включены проблемы редукции. Предполагая, что существует данная онтологическая связь между социальными фактами и некоторыми другими фактами, можно ли описать или объяснить эту связь? Утверждение о том, что для онтологического объяснения могут быть препятствия, значит, что конкретный ответ на вопросы категории (a) не влечет за собой ответов на вопросы категории (b). Даже если мы предполагаем, что социальные институты из отдельных элементов или блоков (включая людей)⁵, следующий вопрос заключается в том, можно ли разбить эти институты, с целью их объяснения, на соответствующие составляющие.

Категория (c) включает вопросы о причинно-следственных связях между социальными фактами и между социальными и другими фактами. Мы могли бы, например, спросить, всегда ли изменения в социальных фактах происходят через конкретный не социальный механизм. Кроме того, категория (d) включает вопросы об описании или объяснении причин социальных фактов. Одним из ответов на эту категорию вопросов является «объяснительный индивидуализм» или «методологический индивидуализм».

Стандартное разграничение между онтологическим и объяснительным индивидуализмом отделяет вопросы категории (a) от вопросов категории (d). Однако если мы хотим вычленить исследование по социальной онтологии как таковое, то мы должны исключить вопросы из категории (c), и сделать все возможное, чтобы это было ясно, когда выдвигаем утверждения о вопросах категории (b), то есть онтологические объяснения, в отличие от утверждений исключительно об онтологических фактах.

Но вполне возможно, что требование разводить между собой онтологию социальных феноменов и собственно причинные отношения может показаться кому-то сомнительным. Но такая своеобразная логическая ловушка не дает возможности развести два типа изменения в терминах времени, или, условно говоря, в терминах «прошлого». Онтологические отношения иногда

⁵ Это предположение было бы ошибкой – см. Эпштейн [8. 144–158].

интерпретируются как «синхронные» или «одновременные», а причинные отношения якобы при этом «диахронны», т.е. они *длятся во времени*. Но это, — опять же, — безусловное заблуждение. Многие социальные феномены как раз выстраиваются из «диахронных» блоков.

Чтобы увидеть, как это работает, рассмотрим «след» как социальный факт. Чтобы нечто было отпечатком ноги, необходимо было оставить его ногой в какой-то момент в прошлом⁶. Моментального снимка мира, — прямо в эту секунду, — недостаточно для того, чтобы определить, является ли конкретная отметка на грунте следом ноги или нет. Отметка на грунте, которая выглядит как след ноги, может им и не быть. Даже эталонная отметка на грунте в форме стопы, но выполненная рукой человека, не является следом. Следующий факт онтологически зависит от фактов касательно прошлого:

(4) *Эта отметка есть отпечаток ноги.*

В частности, по факту,

(5) *Эта отметка была (в прошлом) вызвана движением стопы.*

Такое положение может вводить в заблуждение, потому что факт (5) сам включает каузальное отношение. Это факт, что в прошлом имела место определенная каузальная последовательность событий — движение ноги, вызывающее появление отметки. Однако факт (5) является просто сложным фактом, и обратите внимание, что связь между фактами (5) и (4) не является причинно-следственной. Факт (5) не *вызывает* факта (4). Наоборот, факт (5) является частью того, чем *является* факт (4). Другими словами, факт (4) — имеющий место сейчас факт — онтологически зависит от пары каузально связанных событий, имевших место в прошлом).

Последнее, кстати, дает нам быстрый способ проверки любой теории социальной онтологии. Если некоторая теория дает нам только с синхронические составные элементы для объяснения социальных фактов, то эта теория должна быть признана ошибочной. Например, теория не может быть правильной, если считает, что социальный мир онтологически зависит только от нынешних убеждений, установок и даже текущих практик членов сообщества⁷.

Еще более фундаментальным тестом на адекватность теории социальной онтологии является ответ на вопрос: проводит она четкое различие между высказываниями следующих двух форм:

Социальный факт F онтологически определяется фактами G1, G2, G3 и так далее,

⁶ См. Дрекке (Dretske) [12]; Сталнакер (Stalnaker) [13].

⁷ Может быть так, что убеждения, установки и практики также имеют диахронические составные элементы. Если да, то теоретик должен выяснить, достаточны ли они для объяснения всех различных диахронических составляющих социальных фактов в целом

и

Социальный факт F причинно определяется фактами C1, C2, C3 и так далее.

Если это различие неясно, то непонятно, говорит ли эта теория вообще о социальной онтологии.

3. Основание и фиксация

Теперь я перейду к двум основополагающим понятиям, лежащим в основе социальной онтологии: основание и фиксация. Начнем с достаточно простого примера, рассмотрев следующие факты:

- (6) *Асад — военный преступник.*
- (7) *Чингисхан был военным преступником.*
- (8) *Цезарь был военным преступником.*

Онтологически (6) объясняется такими фактами, как:

- (9) *Асад приказал пытать и казнить сотни сирийских граждан во время гражданской войны в Сирии.*
- (10) *Асад приказал использовать газ зарин против мирного населения во время гражданской войны в Сирии.*

Связь между фактами (9) и (10) и фактом (6) не является причинно-следственной; тем не менее, совершив действия (9) и (10), Асад является тем, что есть военный преступник. Применяя понятие, приобретающее признание в современной метафизике, эти действия «основывают» тот факт, что Асад является военным преступником. Они являются метафизическим основанием того, что имеет место (6)⁸.

Одна из ключевых задач для социальной онтологии заключается в том, чтобы выяснить, как такие факты, как (6), (7) и (8), в целом получают основание. То есть чтобы заполнить формулу, такую как

- (11) *Некий x является военным преступником на том основании, что x совершил такие-то действия во время вооруженного конфликта.*

Задача состоит в том, чтобы установить связь социальных фактов с другими фактами, которые их основывают. Можно назвать это «проектом основания».

Обычно существует не один набор оснований для данного социального факта. Заметим, что факт (9) достаточен сам по себе для основания факта (6). Это все, что нужно, чтобы Асад был военным преступником. Точно так же

⁸ Об основании как виде метафизического объяснения см: [14—16]. См. несколько недавних статей об основании у Коррейя и Шнийдера (Correia & Schnieder) [17].

факт (10) также достаточен сам по себе для основания (6). Обычно факт, основывающий социальный факт, не является критически важным; существует много возможных или фактических метафизических того, чтобы социальный факт имел место.

Кроме того, то, что мы дали один набор оснований для социального факта, не означает, что проект основания завершен. Факты (9) и (10), например, сами по себе являются сложными социальными фактами, включающими такие элементы, как гражданская война в Сирии. Социальные факты основаны на фактах на многих уровнях. Для некоторых целей теоретик может быть удовлетворен (9) или (10) в качестве онтологического объяснения факта (6). Однако для других целей можно было бы настаивать на дальнейшем продвижении и проработке оснований для (9) и (10).

Если мы можем разработать основания социального факта — например, получить (9) и (10) в качестве оснований для факта (6) — то, таким образом, даем онтологическое объяснение имеющемуся факту. Проект основания в фундаментальном плане является проектом объяснения.

Ниже я вернусь к применениям проекта основания. Однако этот проект является лишь одной из двух задач социальной онтологии. Один из вопросов о фактах, таких как *x является военным преступником*, это вопрос о его основаниях: в силу чего этот факт имеет место? Однако есть и другой набор фактов, который имеет другую метафизическую роль в установлении того, что *x является военным преступником*. Мы можем спросить, что делает *эти факты* условием для того, чтобы быть военным преступником? Почему в число военных преступлений входят такие-то зверства против гражданского населения? Почему некоторые действия против солдат противника считаются военными преступлениями, а некоторые нет? Что в мире и в нас создает условия для *x является военным преступником*?

Очевидный, разве что слишком упрощенный и не точный ответ на эти вопросы состоит в том, что эти условия являются продуктом соглашения или конвенции. Соглашение или конвенция сами по себе не являются частью оснований для фактов, таких как (6), (7) или (8). Чингисхан был военным преступником, потому что в военное время совершал различные зверства. Именно это делает его военным преступником: сами зверства являются здесь основанием. Однако *отдельно* от оснований существуют факты, которые определяют условия, необходимые для того, чтобы совершенное было военным преступлением. Таковы факты соглашения, конвенции, кодекса или еще чего-либо.

Этот другой набор фактов я буду называть *фиксаторами*, а само отношение такого рода назову *отношением фиксации*. Формула, подобная (11), фиксирует: артикулирует, что является для чего основанием. Фиксаторы в (11) дают метафизическое объяснение тем основаниям, которые делают *x — военным преступником*. Это объяснение связывает набор фактов о людях,

соглашающихся, договаривающихся или что-либо еще, и условия, необходимые для того, чтобы быть военным преступником. Как и отношение основания, отношение фиксации не является причинно-следственным. Например, существует множество причинно-следственных связей, которые привели к принятию Женевской конвенции 1948 года. Среди всех прочих можно даже указать на те *воспоминания о насилии и жестокости*, что остались у людей от *Второй мировой войны*. Возможно, эти чувства каузальными факторами, приведшими к появлению Женевской конвенции. Тем не менее, именно заключение конвенции в 1948 году, а не чувства, вызвавшие ее, частично фиксирует условия для того, что *x является военным преступником*.

Основание и фиксация — два фундаментальных аспекта построения социального мира. Соответственно, социальная онтология состоит из двух отдельных проектов. Проект основания — это изучение условий наличия социальных фактов. Какие факты в мире являются метафизически достаточными причинами — то есть основаниями — для некоторых социальных фактов? Проект фиксации — это исследование того, что порождает эти условия. Что создает условия основания для социальных фактов, чтобы они были такими, какими являются?

4. Применение и значимость проекта фиксации

Существует много видов социальных фактов. Некоторые из них совершенно формальны, их условия основания даны в явном виде. Другие факты также широко представлены в нашем социальном контексте, но мы не замечаем и не концептуализуем их. Применение категорий основания и фиксации позволяет нам осмыслить эти различия.

В рассматриваемом мной примере фактов типа «*X есть военный преступник*» условия основания ясно выражены в законодательстве. Как я указывал, сами по себе юридические статуты не дают точных условий основания. Но, несмотря на это, «*X есть военный преступник*» есть разумно формализованная категория фактов факта, выраженная в писаных законах.

Чтобы сделать наш пример еще более наглядным, рассмотрим общество без правовой системы и, возможно, даже без письменности, но которое имеет пищевые категории, условия применения которых точно соответствуют кошерным/не кошерным. То есть пища, запрещенная в этом сообществе, точно та же, что и в рабическом иудаизме. Условия основания для факта *x* — *запретная пища* в этой культуре полностью идентичны (нельзя есть ни свиней, ни моллюсков, ни мяса животных, убитых не должным образом, и так далее). Что делает категории кошерное/не кошерное формальными, так это не условия основания, а то, как эти условия основания зафиксированы. У раввинов они фиксируются на основе законодательных актов, а в случае бесписьменного и не имеющего права общества — главным образом практиками общества.

В этом примере у нас два набора социальных фактов, с идентичными условиями основания. Однако условия основания этих фактов генерируются различными способами фиксации, или тем, что можно было бы назвать «схемами фиксации».

Обычным соблазном при разработке теорий в социальной онтологии является надежда найти единый механизм, с помощью которого создаются социальные категории. Однако более правдоподобно, что фиксация осуществляется различными путями. Проект фиксации, скорее всего, должен иметь в виду различные схемы фиксации и развивать понимание того, почему каждая из различных схем работает на создание у социальных фактов тех условия основания, которые они имеют.

Даже в обществе с хорошо развитой правовой системой большинство социальных категорий формально не фиксируются. Кроме того, формально зафиксированные социальные категории часто являются приближением к существующим неформальным категориям. Когда мы переходим к формализации социальной категории, формальные или юридические фиксаторы часто остаются лишь одними из многих фиксаторов. В частности, придание правового аспекта социальной категории еще не означает, что право получает контроль над ней. Например, категория «брак» имеет огромное количество относящихся к ней юридических норм. Однако брак — это нечто большее, чем просто юридическая регламентация. Брак — давний и широко распространенный институт во всем мире, и он по-прежнему отчасти фиксируется исторической и текущей практикой. Эта практика может отставать от изменений в правовом регулировании, или, наоборот, закон может отставать от изменений в практике. Это означает, что определения в праве могут ошибаться в отношении брака. Право имеет самое тесное отношение к браку, но, тем не менее, категория эта образуется на стыке права и социологии. Легко ошибиться, предполагая, что юридические спецификации являются определяющими. Для некоторых категорий это может быть и так, но для таких широко распространенных и освященных многовековой практикой категорий, как брак, мы можем заблуждаться относительно условий основания, предполагая, что право является их исчерпывающим фиксатором.

Понимание фиксаторов той или иной категории социальных фактов может быть чрезвычайно полезным для выявления условий ее основания. Если мы хотим определить условия основания, при которых *x является военным преступником*, мы могли бы кое-что узнать, обратившись к своей собственной интуиции или опросив, что об этом думают более широкие слои населения. Но, безусловно, полезно также взглянуть на Женевскую конвенцию и последующее законодательство, на дела Международного уголовного суда и так далее. Чтобы выяснить условия основания, при которых *x является некошерной тщицей*, полезно заглянуть в труды раввинов. Кроме того, чтобы выяснить

условия основания, при которых *x* является запретной пищей в обществе без правовой системы, полезно взглянуть на его практики.

Проект фиксации — это не только инструмент, помогающий нам выяснить условия основания для социальных фактов. В значительной степени это проект, помогающий понять, как строится социальный мир, дающий ответы на некоторые широкие философские вопросы о природе социального мира. В социальной онтологии нас волнует не только то, какие есть социальные факты и почему, но и то, почему есть социальные типы, что есть, и что их создает.

Проект фиксации также имеет потенциальное применение для социальной критики. Можно понимать условия основания социального факта, но мы можем подвергнуть его критике только тогда, когда увидим, как и почему он фиксируется. Например, если условия основания конкретного социального факта частично связаны с широко распространенным ложным представлением, то способ «развенчать» эту концепцию может заключаться в критике ее фиксаторов⁹.

5. Применение и значимость проекта основания

Проект фиксации представляет большой философский интерес, но он не должен затмевать значение проекта основания. Многие философские проекты в социальной онтологии и большинство проектов в социальной науке в большей степени зависят от установления оснований для социальных фактов, чем от описания фиксации.

Социальная онтология в значительной степени является исследованием оснований социальных фактов. Однако поразительно, насколько ограничен репертуар социальных фактов, которые обычно изучают теоретики. Мало спросить — что такое корпорация, или что такое социальная группа? Социальный мир включает в себя широкий спектр фактов, которые могут быть основаны удивительно разными способами. Рассмотрим, например, такую группу, как баскетбольная команда. В рамках проекта основания необходимо учитывать самое широкое разнообразие фактов, таких как следующие:

- (12) *Баскетбольная команда существует.*
- (13) *Баскетбольная команда состоит из таких-то игроков.*
- (14) *Баскетбольная команда сейчас находится в таком-то месте*¹⁰.
- (15) *Баскетбольная команда набрала *x* очков в игре у.*
- (16) *У баскетбольной команды имеются такие-то установки.*

Это только начало списка. Прояснение этого разнообразия фактов имеет решающее значение и для построения моделей. Когда мы моделируем социальные факты, нас обычно интересуют их большое разнообразие. Для

⁹ См. Хаслэнгер [18] о «развенчании» проектов; Эпштейн [19] об использовании фиксаторов в концептуальной критике.

¹⁰ См. у Хиндрикса [20] анализ такого рода фактов.

построения хороших моделей необходимо понимать основания не только узкого подмножества фактов.

Для моделирования социального мира поиск оснований обычно важнее, чем поиск фиксаторов. Иногда модель просто разрабатывает взаимосвязь между разными социальными фактами высокого уровня, например, между инфляцией в экономике и совокупным уровнем безработицы. Однако большую часть времени разработчики моделей пытаются разбить вещи на образующие их части, а затем моделировать причинно-следственные изменения в социальных фактах посредством каузальных воздействий этих частей. «Разбиение на части» есть, по сути, дело выяснения оснований. Тщательное философское исследование основания может способствовать успешности этого решающего шага в построении моделей.

6. Структурирование социальной онтологии

Теория обязана быть ясной в отношении тех ролей, которые данный набор составных элементов играет в социальном мире. Рассмотрим, например, роль, которую могут играть *практики*. Возьмем тот или иной вид танца: допустим, тарантеллу. Танцевальные практики, состоящие в различных способах танцевать этот танец в различных контекстах, являются (среди прочего) составными элементами тарантеллы. *Но такое представление данной ситуации создает двусмысленность. Одной ролью практик танца является основание фактов о тарантелле.* Например, конкретный факт в форме «*x танцевал тарантеллу*» правдоподобно основывается на танцевальных практиках. Но, вдобавок к этому, определенная роль танцевальных практик заключается в *фиксации* фактов о тарантеллах. То есть танцевальные практики также могут играть роль в объяснении того, благодаря чему факт в форме «*x танцевал тарантеллу*» имеет определенные условия основания.

Иначе говоря, есть миллионы признаков танца тарантеллы, известных с давних времен. Это, с одной стороны, признаки танца тарантелла, а с другой стороны, они также являются обычным порядком, который фиксирует категорию *тарантелла* такой, как она есть. Нет ничего плохого в практиках, играющих эту двойную роль: одни и те же танцы просто делают две вещи. (На самом деле конкретные признаки танца делают многое: те же самые признаки, к примеру, обладают причинно-следственными эффектами).

Одна из идей теории практики заключается в том, что *признаки* наших практик участвуют в создании наших социальных категорий. Тем не менее, все еще легко проглядеть двойную роль таких практик: характерные черты танцевальных практик могут играть роль в фиксации категорий, и они же могут играть определенную роль в основании некоторых фактов. Теория практики должна различать эти две метафизические роли, которые могут быть у практик.

Сохранение этих отличий полезно как для оценки той или иной теории социальной онтологии, так и для оценки конкурирующих теорий. Например, некий теоретик практики может считать, что практики *исчерпывающим образом фиксируют* условия основания социальных фактов. То есть только практики, и ничего больше, полностью объясняют, почему социальные факты имеют именно такие, а не иные условия основания. Другое утверждение некоторого теоретика практики может заключаться в том, что практика *исчерпывающим образом основывает* социальные факты. Стало быть, социальные факты имеют место только благодаря практикам и никак иначе. Иной теоретик практики может принять и то, и другое — и то, что социальные факты исчерпывающим образом основаны на практиках и то, что их условия основания исчерпывающим образом фиксированы практиками. Это не противоречивая позиция. Однако такая теория сталкивается с огромным напряжением: если практики задают условия основания для социальных фактов, то почему сами эти условия основания должны состоять только из практик? Это должен объяснить теоретик, который делает оба эти утверждения.

Аналогичное утверждение можно высказать и о другом виде теорий в социальной онтологии: об индивидуалистических теориях социального мира. Какую роль в формировании социальных фактов играют индивиды? Естественно, понимание онтологического индивидуализма как теории основания, а не фиксации. С индивидуалистической точки зрения, такие факты, как «*Google — это прибыльная корпорация*», «*Асад — военный преступник*, а «*буржуазия богаче пролетариата*» получают свое основание в силу фактов об индивидах. Как только мы фиксируем факты об отдельных людях и их отношениях, это исчерпывающим образом определяет наличие этих социальных фактов. Однако этим оставляется без внимания вопрос о том, играют ли индивиды исчерпывающим образом роль в фиксации. Индивидуалист может снова принять и то, и другое: что социальные факты исчерпывающим образом основаны на определенных видах фактов об индивидах и их отношениях и что эти условия также исчерпывающим образом зафиксированы теми же самыми фактами об индивидах и их отношениях. Опять же, это не противоречиво, но сталкивается с затруднением: если факты об индивидах исключительно фиксируют условия основания для социальных фактов, то почему эти условия основания также должны состоять только из фактов об индивидах?

Вполне вероятно, что хорошие ответы на проект фиксации будут сильно отличаться от хороших ответов на проект основания. Рассмотрим, к примеру, теорию «коллективного принятия» социальных фактов Джона Сёрля¹¹ Сёрль утверждает, что социальные факты устанавливаются коллективным принятием сообществом конститутивного правила. (Конститутивные правила могут

¹¹ См. Сёрль [21; 22].

пониматься как очень простой способ задать условия основания для социальных фактов)¹². По существу эта теория является теорией фиксации. Сёрль утверждает, что определенные факты о коллективном принятии создают условия для создания определенных социальных объектов. И, с точки зрения Сёрля, коллективное принятие — это попросту вопрос пребывания всех членов сообщества в определенном когнитивном состоянии. С точки зрения теории Серля, фиксаторы социальных фактов строятся на основе психологических фактов о членах сообщества.

Некоторые старомодные теории в социальной онтологии также считают, что социальные факты выстраиваются из психологических состояний членов сообщества¹³. Эти «психологические» теории, похоже, понимали предмет социальной теории как изучение «группового сознания». Эти теоретики занимались такими явлениями, как «преступная толпа», то есть толпа, проявляющая иррациональные желания, которые отличались от желаний членов группы. Они пытались анализировать факты о групповом сознании с точки зрения фактов об индивидуальных психологиях членов группы. В отличие от теории Сёрля, это не теории фиксации; это — теории основания. Они считают, что социальные факты, — то есть факты о групповом сознании, — имеют место тогда, когда имеются определенные факты о сознаниях членов группы. Внешне фундаментальные составные элементы и в теории Сёрля, и в старомодном психологизме схожи. Однако это теории, которые пытаются ответить на очень разные вопросы.

В этой статье я не отстаивал какую-либо конкретную точку зрения ни на то, как социальные факты в целом *основываются*, ни на то, как *фиксируются* в целом условия основания социальных фактов. Моя точка зрения такова, что и то, и другое осуществляется многими способами. *Основания* для социальных фактов радикально неоднородны. Социальные факты не основаны ни на фактах исключительно об индивидах, ни на каком-либо четко ограниченном наборе иных фактов. Мы создали условия основания для социальных фактов по типу «мешка с призами» [аттракцион-сюрприз на ярмарках, когда за небольшую плату из мешка вслепую можно было достать самые неожиданные мелкие вещи. — *Прим. пер.*]. Фиксаторы для условий основания социальных фактов также радикально неоднородны. Их условия основания не фиксированы исключительно коллективным принятием или каким-либо другим четко очерченным набором фактов. Во многих случаях они фиксируются сочетанием характерных исторических черт, различных особенностей окружающей среды, законодательных актов, представлений и практик сообщества и многого другого. Нельзя сказать, что основание или фиксация непонятны, хаотичны, или не поддаются теоретическому анализу. Часто для фиксации и основания мы используем хорошо упорядоченные механизмы, выстраивая

¹² Детальное рассмотрение этого см. у Эпштейна [8], главы 4 и 6.

¹³ Интересный анализ таких подходов см. у Удена [23].

социальный мир, который практически полезен, познавательно необременителен и, тем не менее, достаточно понятен членам сообщества. Однако это не значит, что у нас есть лишь одна схема фиксации, или что фиксаторы просты, или что основания для социальных фактов мы должны выбирать из некоего ограниченного набора. Скорее наоборот.

Однако моя цель не в том, чтобы доказывать это. Напротив, она в том, чтобы предложить некоторую структуру для разделения теорий и частей теорий, которые часто путают. При реализации проектов социальной онтологии нам нужно отделить социальную онтологию от вопросов, которые касаются причинно-следственных связей, а не онтологии. Более того, нам нужно разделить исследования в самой социальной онтологии, как минимум, на два ключевых проекта.

Список литературы / References

- [1] Watkins J. The Principle of Methodological Individualism. *British Journal for the Philosophy of Science*. 1953;3(10):186–189.
- [2] Fodor J. Special Sciences. *Synthesis*. 1974;28(2):97–115.
- [3] Goldstein L. The Two Theses of Methodological Individualism. *British Journal for the Philosophy of Science*. 1958; 33(9);1–11.
- [4] Lewis D. *Convention: A Philosophical Study*. Cambridge: Harvard University Press ; 1969.
- [5] Agassi J. Methodological Individualism. *British Journal of Sociology*. 1960;(11):244–270.
- [6] Agassi J. Institutional Individualism. *British Journal of Sociology*. 1975;26(2):144–155.
- [7] Sawyer R. Nonreductive Individualism: Part I. *Philosophy of Social Sciences*. 2002;32(4):537–559.
- [8] Epstein B. *The Ant Trap: Rebuilding the Foundations of the Social Sciences*. Oxford: Oxford University Press ; 2015.
- [9] Lukes S. Methodological Individualism Reconsidered. *British Journal of Sociology*. 1968;(19):119–129.
- [10] Bhargava R. *Individualism in Social Science*. Oxford: Oxford University Press ; 1992.
- [11] Epstein B. Ontological Individualism Reconsidered. *Synthesis*. 2009;166(1):187–213.
- [12] Dretske F. *Explaining Behavior: Reasons in a World of Causes*. Cambridge: MIT ; 1988.
- [13] Stalnaker R. On What's in the Head. *Philosophical Perspectives*. 1989;(3):287–316.
- [14] Audi P. *A Clarification and Defense of the Notion of Grounding*. In: Correia F, Schneider, B, editors. *Metaphysical Grounding: Understanding the Structure of Reality*. Cambridge: Cambridge University Press ; 2012. P. 101–124.
- [15] Clark M, Liggins D. Recent Work in Grounding. *Analysis*. 2012;(72):812–823.
- [16] Raven M. Ground. *Philosophy Compass*. 2015;10(5):322–333.
- [17] Correia F, Schnieder B. *Metaphysical Grounding: Understanding the Structure of Reality*. Cambridge: Cambridge University Press ; 2012.
- [18] Haslanger S. *Social Construction: The "Debunking" Project*. In: Schmitt F, editor. *Socializing Metaphysics*. Lanham: Rowman & Littlefield ; 2003. P. 301–325.
- [19] Epstein B. History and the Critique of Social Concepts. *Philosophy of Social Sciences*. 2010;40(1):3–29.
- [20] Hindriks F. The Location Problem of Social Ontology. *Synthesis*. 2013;190(3):413–437.
- [21] Searle J. *The Construction of Social Reality*. New York: The Free Press ; 1995.

- [22] Searle J. *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford: Oxford University Press ; 2010.
- [23] Udehn L. *Methodological Individualism: Background, History and Meaning*. London: Routledge ; 2001.

Сведения об авторе:

Эпштейн Брайан — PhD, профессор кафедры философии Университета Тафтса, США (e-mail: brian.epstein@tufts.edu).

Сведения о переводчиках:

Орехов Андрей М. — доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии, Российский университет дружбы народов (e-mail: orekhovandrey@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-7025-3244

Моисеев Сергей В. — независимый исследователь (e-mail: moisserg@hotmail.com).

Черняк Алексей З. — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, Российский университет дружбы народов (e-mail: chernyak-az@rudn.ru).

Антонов Алексей В. — кандидат философских наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия; докторант кафедры социальной философии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: akvizit@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-6909-8902

About the author:

Epstein Brian — PhD, Professor of Philosophy Department, Tufts University, USA (e-mail: brian.epstein@tufts.edu).

About the translators:

Orekhov Andrey M. — Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Department of Social Philosophy, RUDN University (e-mail: orekhovandrey@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-7025-3244

Moiseev Sergey V. — independent researcher (e-mail: moisserg@hotmail.com).

Chernyak Alexey Z. — Cand. Sc. in Philosophy, Associate Professor, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: chernyak-az@rudn.ru).

Antonov Alexey V. — Cand. Sc. in Philosophy, Associate Professor, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia; Doctoral Student, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: akvizit@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-6909-8902